

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI:

КОРАНОВЕДЕНИЕ А.А. ГАССИЕВА: МЕЖДУ
КОНФЕССИОНАЛИЗМОМ И НАУЧНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТЬЮ

Айларова Светлана Ахсарбековна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-5098-5077>; aylarova54@mail.ru

Исламоведческие исследования осетинского просветителя, философа и богослова А.А. Гассиева являются важной частью его научного наследия. Они фундаментальны, то есть базируются на основательной источниковой и историографической базе, демонстрируют великолепное знание истории и культуры ислама, всех его текстов, символов и мифов. Как и все российское миссионерское исламоведение, труды А.А. Гассиева включают двойственное целеполагание – доказать культурно-догматическую несостоятельность ислама и в то же время понять ислам как особый культурный и религиозный феномен, его исторические корни, обстоятельства возникновения и связь с определенной этнической традицией, причины быстрого распространения и исторического триумфа. Особая тема богословских штудий просветителя – доказательство глубоких связей коранического вероучения с христианством, выделение тех пунктов, которые сближают и в то же время отличают его догматы от библейских и христианских. Освоение внутренней логики Корана приводит осетинского богослова к убеждению: универсальные, человеческие, гуманные истины божественной Книги мусульман (сближающие ислам с христианством) подверглись в течение мусульманской истории искажению, а основные принципы вероучения – тенденциозному пересмотру официальным богословием, обслуживавшим политические интересы государственной власти. Миссионерское исламоведение, несмотря на идеологическую заданность и определенную тенденциозность, все же актуально и востребовано сегодня благодаря глубине интеллектуального поиска и богатству источников. В этих качествах – залог непреходящей ценности религиозоведческого наследия А.А. Гассиева.

Ключевые слова: А.А. Гассиев, христианство, ислам, Коран, миссионерское исламоведение, богословие, межрелигиозный диалог.

Для цитирования: Айларова С.А. Корановедение А.А. Гассиева: между конфессионализмом и научной объективностью // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 20 (27). С.35-41. DOI:

Введение

Изучение ислама и мусульманской культуры началось в России в XVIII столетии, и к середине XIX в. уже оформилось в две научные школы – академическую и миссионерскую. Различаясь по целям и задачам, обе школы опирались на одну источниковую и историографическую базу, оперировали одним на-

учным языком [1]. Академическое исламоведение, включавшее труды выдающихся востоковедов и исламоведов А.К. Казем-бека, В.Р. Розена, В.В. Бартольда, А.Э. Шмидта и др., представляло ислам на широком историко-культурном и политическом фоне, ввело в научный оборот огромный массив оригинальных источников. Академическая школа, сосредоточившись в Санкт-Петербургском университете (факультет восточных языков), стремилась к научно-объективной оценке ислама и мусульманского мира – как религии, культуры и цивилизации, и была свободна от конфессионализма в его откровенной форме. Однако «академики»-исламоведы все же находились под сильным влиянием христианоцентричного европейского исламоведения, разделяя многие свойственные ему мифы и цивилизационные комплексы превосходства.

Для миссионерской школы, в лице, прежде всего, Н.И. Ильминского, М.А. Машанова, Г.С. Саблукова, Н.П.Остроумова и др., сосредоточившихся по большей части в Казанской Духовной Академии, главными были православный конфессионализм и полемическая направленность. При том, что исламоведы миссионерской школы также располагали фундаментальными знаниями по истории и культуре мусульманства и имели хорошую востоковедную языковую подготовку, они были сосредоточены прежде всего на теологических, богословских проблемах, которые ученые-«академики» обходили. Обе школы – академическая и миссионерская – находились под сильным влиянием западноевропейских ученых (К.де Персеваль, Г. Вайль, А. Шпренгер, И. Гольдциер. Э. Ренан и др.).

При всех значимых различиях между двумя школами они были разными гранями российского исламоведения, формировавшегося в условиях включения в состав государственного «тела» России «собственного Востока» – мусульманских анклавов, – и необходимости интеграции этнических меньшинств южных и восточных окраин в состав империи.

Ярким образцом миссионерского исламоведения являются работы историко-конфессиональной тематики осетинского просветителя Афанасия Абрамовича Гассиева, автора ряда богословских трудов по фундаментальным проблемам религиоведения, в частности корановедения [2]. Эти исследования включают такую же идеологическую цель, как и все труды исламоведов-«миссионеров», то есть стремление показать «ущербность» ислама в культурно-цивилизационном и теологическом смысле. В то же время осмыслить ислам как особый религиозный феномен и мусульманство как самобытное историко-культурное явление.

Северный Кавказ, как и регионы Поволжья и Центральной Азии, являлся российской территорией активной христианско-православной миссии, которая также включала на протяжении XIX – начала XX столетия и государственно-политический компонент, воспитание лояльного имперской власти населения. В родной просветителю маленькой Осетии ислам и православие соперничали с начала Нового времени, и велась достаточно активная мусульманская пропаганда. Поэтому задачи христианской миссии были здесь востребованы практически до конца XIX в.

В советской историографии исламоведческие штудии А.А. Гассиева привлекали внимание лишь в аспекте их якобы научно-атеистической направленности [3; 4]. Сейчас историографическая ситуация несколько изменилась [5]. В то же

время не все стороны исламоведческих интересов просветителя получили полное освещение, и здесь налицо необъятное поле для более углубленного изучения. В данной статье автор ставит задачу в определенной степени обобщить научный задел по обозначенной стороне научного наследия богослова, философа и просветителя, дополнить его анализом проблем, еще не затронутых в литературе.

Основная часть

Исследования Гассиева сосредоточены на анализе Корана, Священного Предания мусульман, основы вероучения. Эта духовная основа ислама анализируется в разных аспектах и ракурсах. В двух частях корановедческого труда рассматриваются основные тематические блоки: рождение нового вероучения, проповедь арабского пророка Мухаммеда, первые редакции Корана, Христос в священной Книге, мусульманская эсхатология, статус женщины согласно коранической интерпретации.

В первой части корановедческого комплекса дается глубокий анализ всех социально-политических и культурно-исторических условий доисламской Аравии, пребывавшей в глубокой социальной неурядице и религиозной смуте, – который подводит к выводу, что кризисное состояние будущей родины ислама могло быть разрешено только духовным прорывом, несущим объединительную идею, рождением новой идеологии, способной покончить с многобожием и политической мозаичностью. Этим духовным прорывом стало религиозное откровение Мухаммеда.

Реальностью и триумфальным историческим движением религиозная реформа стала только благодаря деятельности и проповеди арабского пророка. «Объединить нравственно-религиозные стремления арабских племен, занимавшихся доселе своими племенными божками, враждовавших друг с другом, тянувших в разные стороны и в общественной жизни и в религии – объединить эти племена идеей единого Бога, идеей равенства, братства и святости людей перед бесконечно святым и верховным Существом – это была задача, которая никому не приходила в голову до Магомета» [2, 92]. Как и все исламоведы – европейские и российские – Гассиев подчеркивает совершенно особую роль Мухаммеда в успехе движения. Как писатель и мыслитель XIX в., осетинский богослов склонен объяснять самые невероятные исторические события и судьбоносные духовные феномены историческим детерминизмом, действием непреложных законов истории, подчеркивая «преимущественное, направляющее значение в совершающемся перевороте исторического деятеля, лучше других сознающего умственно-нравственные потребности своего века или своего народа» [2, 93].

В центре внимания богослова – история рождения Корана, как религиозного феномена и священного текста, лежащего в основе исламской традиции. Пожалуй, анализ осетинского автора – ни в чем не уступает самым глубоким исследованиям в российском корановедении [6]. Гассиев подчеркивает глубокую связанность Книги, ее поэтики и выразительности с художественными традициями и ментальностью доисламской Аравии, со всей ее культурой. По мысли богослова, «историзм» Корана, к тому же прошедшего множество редакций, отвергает его божественное создание, его «неземную» природу. «Несмотря на все превратности, каким подвергалось... издание текста Корана, мусульмане за

каждой йотой признают божественное происхождение и весь Коран считают творением Бога, вечным творением, существовавшим изначально в Боге» [2, 60].

Во второй части исследования «Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения» Гассиев рассматривает целый спектр догматических положений, как сближающих, так и разъединяющих религиозные традиции авраамизма.

Основной догмат Корана – «таухид», учение о Едином Боге – свидетельствует, по мысли богослова, о влиянии на образ коранического Творца идеи и образа библейского и евангелического Вседержителя. Отвергает Гассиев и популярные в европейской науке теории об исконной для семитов-пустынников идее монотеизма. Ко времени рождения ислама в Аравии имела широкое хождение христианская концепция монотеизма, с ее пафосом братства и духовного равенства всех людей перед Богом. Именно эта ясная универсальная идея единобожия, как доказывает осетинский мыслитель, нашла свое новое воплощение в учении Мухаммеда [6, 108-110]. Сама кораническая концепция небесного посланничества ставила арабского пророка в ряд предшествовавших ему божественных пророков и посланников, включая Моисея (Мусу) и Иисуса (Ису).

Коранический Бог, по мнению Гассиева, ближе к иудейскому образу грозного, но справедливого Иеговы, нежели к милосердному христианскому Богу, пославшего людям Спасителя. Догмат Воплощения соединял людей с Богом, связывал их духовными нитями любви и тепла. В исламе же – «между человеком и Богом оставлена громадная пропасть» [2, 114].

Но в наибольшей степени нуждался в прояснении вопрос об отношении Корана к Христу и христианству. Здесь Гассиев рассматривает целый спектр тем, ясно иллюстрирующих как близость, так и глубокие различия в отношении христианства и священной Книги (а с ней и ислама в целом) к личности Христа. При всем пиетете Корана перед Христом, как почитаемым пророком, – отрицается статус Христа как Сына Божьего; отрицается как спорная – тема распятия Иисуса, связанная с неприятием исламом библейской идеи «первородного» греха и жертвенного искупления грехов человечества. Отвергнут Кораном и утонченный христианский догмат о Троице, прямолинейно понимаемый как культ трех богов, как фактическое отрицание самой идеи единобожия [2, 101-103].

Однако, при всех догматических претензиях Корана к христианскому учению, христиане все же признаются «верными», то есть истинно верующими; и Мухаммед призывает мусульман к «братскому общению» с «людьми Писания» (как именуются в Коране иудеи и христиане) [2, 95].

Находил в коранических текстах Гассиев и идеи развития (прогресса), что никак не поддерживалось современной мусульманской традицией, и огромное уважение к знанию, учености, науке, гуманность и универсальность коранического понимания человека, как «гражданина мира, члена в союзе человечества». По мнению просветителя, эти идеи, когда-то обеспечившие цивилизационный взлет мусульманства, еще будут востребованы в будущем [2, 140-141].

Осетинский богослов попытался внести ясность и в кораническое понимание прозелитизма, вокруг которого было столько споров и дискуссий в европейской литературе и общественной мысли. По его мнению, Коран отвергает распространение веры насильем, пронизан духом веротерпимости. Идея фанатичного джихада – распространение ислама насильем – есть порождение

средневекового мусульманского богословия, тесно связанного с властью, конструирующего идею оправдания агрессивных завоеваний.

Ислам как религиозная традиция развивался тысячелетие, в нем формировались направления и секты, мусульманские правоведческие школы, – шел процесс непрерывного идейного обогащения, а подчас и искажения коранических оснований. Богослов высказывает мысль, что, как и в других религиозно-цивилизационных ареалах, в исламском мире тоже возможна реформация, религиозная реформа, суть которой – преобразование жизни мусульманских обществ согласно чистым основам Корана [2, 141].

Просветитель кратко коснулся некоторых сторон жизни мусульманского социума, его культуры, которых, прежде всего, должна коснуться реформация. Исповедание догмата о предопределении (фатум) – один из них. Его роль в складывании ментальности мусульманских народов, по мысли Гассиева, огромна и по большей части разрушительна. Но как богословско-интерпретационная проблема, – она преодолима, поскольку в Коране содержатся положения совершенно противоположного характера, стимулирующие активность человека в преодолении жизненных проблем [2, 107].

Не меньшим препятствием на пути модернизации исламского мира служили, по мнению осетинского просветителя, гендерные традиции мусульманства, статус и положение женщины в обществе. Безусловно, он искал корни униженного положения мусульманской женщины в текстах Корана. Но смысла и содержания догмата о «каввама» – попечительстве, опекунов, заботе мужчины над женщиной, заведывании ее делами, не выходящими за рамки справедливости – все же не понял. Возможно, в основе такого непонимания – переводы XIX в., – прямолинейные, подчас не передающие содержания сложных коранических понятий. В целом, Гассиев сосредоточился на публицистической критике положения женщины в современных ему исламских обществах, действительно, незавидном. Как трактует богослов, в основе зависимого положения мусульманской женщины в семье и униженного – в обществе не только экономическая зависимость от мужчины, но и сами коранические положения, отрицающие права женщины как личности [2, 125-126].

Интересны сюжеты Корана о происхождении зла, последнего Суда, несущие отчетливую печать библейских рассказов, но с этническими арабскими дополнениями, «добавками», которые Гассиев называл «прифантазированное воспоминание Востока» [2, 114]. Хотя он и отмечает оригинальность эсхатологической концепции Корана, дающего отличную от библейской интерпретацию и смысловые грани понимания феномена Воскресения. Осетинский мыслитель не стал анализировать и сравнивать конкретные образы и картины последней Судьбы человека и мира, как они предстают в библейских и коранических текстах, а указал на главное отличие коранического понимания этого феномена – отождествление Воскресения с новым творением. Такая интерпретация Воскресения повлекла и отличное от христианского понимание бессмертия и статуса бессмертной души человека [2, 115].

Заключение

Корановедческие исследования осетинского просветителя, философа и богослова являются важной частью его научного наследия. Они фундаменталь-

ны, то есть базируются на основательной источниковой и историографической базе, демонстрируют великолепное знание истории и культуры ислама, всех его текстов, символов и мифов. Как и все российское миссионерское исламоведение, труды А.А. Гассиева включают двойственное целеполагание – доказать культурно-догматическую несостоятельность ислама и в то же время понять ислам как особый культурный и религиозный феномен, его исторические корни, обстоятельства возникновения и связь с определенной этнической традицией, причины быстрого распространения и исторического триумфа. Особая тема богословских штудий осетинского теолога – доказательство глубоких связей коранического вероучения с христианством, выделение тех пунктов, которые сближают и в то же время отличают его догматы от библейских и христианских. Освоение внутренней логики Корана приводит просветителя к убеждению: универсальные, человеческие, гуманные истины божественной Книги мусульман (сближающие ислам с христианством) подверглись в течение мусульманской истории искажению, а основные принципы вероучения – тенденциозному пересмотру официальным богословием, обслуживавшим политические интересы государственной власти.

Миссионерское исламоведение, несмотря на идеологическую заданность и определенную тенденциозность, – все же актуально и востребовано сегодня благодаря глубине интеллектуального поиска и богатству источников. В этих качествах – залог непреходящей ценности религиозноведческого наследия А.А. Гассиева.

1. Маточкина А., Стецкевич М. Становление российского исламоведения: между конфессионализмом и научной объективностью (вторая половина XIX – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №1(36). С. 82-107.

2. Гассиев А.А. Избранные произведения. Владикавказ: Ир, 1992. 440 с.

3. Цаллаев Х.К. Философские и общественно-политические воззрения Афанасия Гассиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1966. 295 с.

4. Кусаев В.Х., Елоева Т.А. Проблемы гуманизма, религии и атеизма в философском наследии А.А. Гассиева. Владикавказ: Рекламно-издательское агентство Госкомиздата, 1994. 164 с.

5. Айларова С.А. Возможность диалога (об исламоведческих трудах А.А. Гассиева) // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 39(78). С. 49-54.

6. Резван Е. Коран и его мир. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2001. 601 с.

Aylarova, Svetlana A. – doctor of historical sciences, chief researcher, history department, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-5098-5077>; aylarova54@mail.ru

KORAN STUDIES BY A.A. GASSIEV: BETWEEN CONFESSIONALISM AND SCIENTIFIC OBJECTIVITY.

Keywords: A.A. Gassiev, Christianity, Islam, Koran, missionary Islamic studies, theology, interreligious dialogue.

The Islamic studies works of the Ossetian educator, philosopher and theologian A.A. Gassiev are an important part of his scientific heritage. They are fundamental, that is, based on a solid source and historiographic base, demonstrate excellent knowledge of the history and culture of Islam, all its texts, symbols and myths. Like all Russian missionary Islamic studies, the works of A.A. Gassiev include a dual goal – to prove the cultural and dogmatic inconsistency of Islam, and at the same time to understand Islam as a special cultural and religious phenomenon, its historical roots, the circumstances of its origin and connection with a certain ethnic tradition, the reasons for its rapid spread and historical triumph. A special theme of the theological studies of the educator is the proof of the deep connections of the Koranic doctrine with Christianity, highlighting those points that bring together and at the same time distinguish its dogmas from the biblical and Christian ones. Mastering the internal logic of the Koran leads the Ossetian theologian to the conviction that the universal, humane, humane truths of the divine Book of Muslims (bringing Islam closer to Christianity) have been subjected to distortion during Muslim history, and the basic principles of doctrine have been subjected to a tendentious revision by official theology, serving the political interests of state power. Missionary Islamic studies, despite its ideological predeterminedness and a certain tendentiousness, are still relevant and in demand today due to the depth of intellectual search and the wealth of sources. These qualities are the guarantee of the enduring value and religious studies heritage of A.A. Gassiev.

For citation: Aylarova, S.A. Koran studies by A.A. Gassiev: between confessionism and scientific objectivity. KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 20 (27), pp. 35-41 (In Russian). DOI:

References

1. Matochkina, A., Stetskevich, M. *Stanovlenie rossiiskogo islamovedeniya: mezhdou konfessionalizmom i nauchnoi ob'ektivnost'yu (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Formation of Russian Islamic Studies: Between Confessionism and Scientific Objectivity (Second Half of the XIXth – Early XXth Century)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad]. 2018, no.1(36), pp. 82-107.
2. Gassiev, A.A. *Izbrannnye proizvedeniya* [Selected Works]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 440 p.
3. Tsallaev, KH.K. *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vozzreniya Afanasiya Gassieva* [Philosophical and Socio-Political Views of Afanasy Gassiev]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 295 p.
4. Kusaev, V.KH., Eloeva, T.A. *Problemy gumanizma, religii i ateizma v filosofskom nasledii A.A. Gassieva* [Problems of Humanism, Religion and Atheism in the Philosophical Heritage of A.A. Gassiev]. Vladikavkaz, Reklamno-izdatel'skoe agentstvo Goskomizdata, 1994. 164 p.
5. Aylarova, S.A. *Vozmozhnost' dialoga (ob islamovedcheskikh trudakh A.A. Gassieva)* [The possibility of dialogue (on the Islamic studies works of A.A. Gassiev)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 39(78), pp. 49-54.
6. Rezvan, E. *Koran i ego mir* [The Koran and its world]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 2001. 601 p.